

Т. М. Аболина
Уральский федеральный университет,
г. Екатеринбург

Зауральский город Далматово в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка

Зауральские места были хорошо известны Д. Н. Мамину-Сибиряку и описаны им в нескольких произведениях: в цикле очерковых писем «С Урала» (1884), в путевых заметках «От Зауралья до Волги. Путевые картинки» (1885–1886), «По Зауралью. Путевые заметки» (1887), в очерке-воспоминании «Горой. Из летних скитаний по Уралу» (1886), в рассказе «Летные. Из рассказов о жизни сибирских беглых» (1886). В последнем из перечисленных произведений содержится емкое и удивительно поэтичное описание характерного для этой местности пейзажа: «Река Исеть плыла здесь широким плесом, точно в зеленой бархатной раме из вербы, ольхи, смородины и хмеля. Кругом, насколько хватал глаз, расстилалась без конца-краю панорама полей, сливавшихся на горизонте с благодатной ишимской степью; два-три кургана едва напоминали о близком Урале, откуда выбегала красивая Исеть, вся усаженная богатыми селами, деревнями и деревушками, точно гигантская нитка бус. Место было широкое и привольное, какие встречаются только в благословенном Зауралье, где весело сбегает в Исеть реки: Теча, Синара и Мияс, эти настоящие земледельческие артерии» [Мамин-Сибиряк, 1958, с. 393].

Некоторые из этих зауральских городков, деревень и сел, рассыпанные «точно гигантская нитка бус», также попали в произведения писателя, как правило, под измененными автором наименованиями («литературные двойники», по определению исследовательницы Г. Л. Девятайкиной (см.: [Девятайкина])). Так, известная своими ярмарками деревня Кресты (ныне село Крестовское Шадринского района) выведена в рассказе

«Крупичатая» (1891) под названием Торговище; город Китайск фигурирует в романе «Хлеб» (1895) под названием Суслон. Неоднократно привлекал внимание писателя один из крупнейших зауральских городов, центр хлебной торговли — Шадринск, который является местом действия в рассказе «Попросту» (1887) и в романе «Хлеб» (1895). Безусловно, Мамин не мог пройти мимо другого интереснейшего зауральского города — Далматова, который в настоящее время известен в основном тем, что на его территории находится Успенский Далматовский мужской монастырь, жемчужина Зауралья. Несмотря на то, что Далматово относится к категории так называемых малых городов, тем не менее, как любой старинный город (Далматово основано в 1644 г.), он обладает богатым историко-культурным наследием. Именно уникальная история города, а также необыкновенная красота этих мест привлекли внимание писателя.

Первое упоминание о городе Далматове мы находим в путевых заметках Мамина «По Зауралью» (1887). Заметки открываются настоящей одой Зауральскому краю: «Вообще Урал считается золотым дном, но Зауралье — это само золото. Представьте себе такую картину: с одной стороны проходит могучий горный кряж с своими неистощимыми рудными богатствами, лесами и целой сетью бойких горных речек, сейчас за ним открывается богатейшая черноземная полоса, усеянная сотнями красивейших и кишачих рыбой озер, а дальше уже стелется волнистой линией настоящая степь с ее ковылем, солончаками и киргизскими стойбищами» [Мамин-Сибиряк, 1952, с. 21]. В исследовании Л. М. Митрофановой отмечено, что при описании уральского ландшафта Мамин постоянно использует эпитет «глухой», в то время как топоним «Зауралье» часто сопровождается авторским эпитетом «благословенное» или метафорой «золотое дно» (см.: [Митрофанова, с. 131–132]). Однако сам город Далматово в путевых заметках упоминается фрагментарно, в паре строк. Эти краткие упоминания связаны с жанровой логикой травелога, который, помимо рассказа собственно о путешествии, также предполагает статистические выкладки, освещение истории местности, изложение этнографического материала (см.: [Бортникова, с. 73–93]). Рассуждая в путевых заметках «По Зауралью» о наличии дворянского сословия на Урале, Мамин замечает: «Заштатный город Далматов не имел

у себя ни одного представителя потомственного дворянства» [Мамин-Сибиряк, 1952, с. 33]. И это действительно так, потому что основным составом населения Далматово были крестьяне и купцы, которые занимались сельскохозяйственной деятельностью. Следующее упоминание Далматово в путевых заметках связано с размышлением об истоках железного промысла на Урале. В связи с этим автор вспоминает о «монахах Долматовского монастыря», которые в 1683 г. «добывали железо в ручных домнах на реке Каменке» [Там же, с. 52]. Таким образом, в заметках Мамина отражен исторический факт основания далматовскими монахами будущего города Каменск-Уральский и Каменского чугунолитейного завода, которые начинались как заимка Далматовского монастыря на реке Железенке (Каменке), притоке реки Исеть. В настоящее время завод называется «Уралэлектромаш» (г. Каменск-Уральский Свердловской области).

В полном объеме история города Далматово раскрывается писателем в повести «Охонины брови» (1892), которая посвящена затронувшим далматовский край событиям крестьянской войны под предводительством Пугачева. Повесть была написана в течение года, однако материал к ней накапливался на протяжении нескольких предшествующих лет: в 1884 г. писатель был принят в Уральское общество любителей естествознания и постоянно путешествовал по Уралу и Зауралью, участвуя в археологических экспедициях и собирая местный фольклор. В 1890–1891 гг. Мамин специально посетил Далматовский монастырь, изучил его архив и документы об осаде города пугачевцами. Он также посетил своего дядю по материнской линии Александра Колесникова, проживавшего в соседнем селе Широково (ныне село Широковское Далматовского района) и служившего в Широковской церкви священником. От дяди писатель услышал и записал много преданий и устных рассказов о местных восстаниях и волнениях — «дубинщине» (1762–1764) и пугачевщине (это движение затронуло далматовский край в 1774 г.) (см.: [Широкова, с. 29]).

Повесть «Охонины брови» достаточно полно изучена историками литературы. Вопрос об исторических источниках, к которым обращался Мамин при подготовке к написанию повести, а также проблема некоторых прототипов обстоятельно разработаны Е.А. Боголюбовым (см.: [Боголюбов]). В рабо-

тах И.А. Дергачева, М.Г. Китайника рассматриваются формы проявления фольклора в повести (см.: [Дергачев; Китайник]). В исследованиях [Генкель; Дашевский, 2002; 2003; Житкова; Зырянов; Кусков; Лаптева, 2016; 2017; Лосева; Филатова] проанализированы историческая основа повести, ее речевые особенности, словарный состав, система художественных образов. Наше внимание будет сосредоточено на соотношении художественного вымысла в повести и реальной истории города Далматово, что также требует особых историко-культурных комментариев.

Как любое художественное произведение, повесть «Охонины брови» не лишена вымысла. Отступления, допущенные Маминым, подробно изложены в работе Е.А. Боголюбова (см.: [Боголюбов]). Добавим к ним еще два наблюдения, не зафиксированные исследователем. Первое, что бросается в глаза в этом отношении, это окончание повести: «Сейчас от Прокопьевского монастыря, Дивьей обители и Служней слободы остались одни пустыри. Только по-прежнему высоко поднимается правый гористый берег Яровой, где шумел когда-то вековой бор. Теперь торчат одни пни, а от прежнего осталось одно название: народ называет и сейчас горы «Охонинскими бровями»» [Мамин-Сибиряк, 1950, с. 93]. На самом деле это, конечно, не так: город Далматово и его главная достопримечательность — Далматовский монастырь — существуют до сих пор и никуда не исчезли. Такой финал был необходим Мамину как завершающий штрих при описании трагических событий, которые раскрываются в сюжете повести. Второе замечание, связанное с художественным вымыслом, касается топонима «Дивья обитель». Под таким названием в повести фигурирует реальное место — женский (девичий) монастырь, который являлся приписным к Далматовскому и находился недалеко от него. В XVII в., когда в Зауралье был устроен Далматовский мужской монастырь, его основатель инок Далмат решил невдалеке устроить также женскую обитель. В 1680 г. были воздвигнуты первые постройки для монахинь. Однако если обратиться к повести и к реальной истории, мы увидим, что на момент осады города Далматово пугачевцами этого женского монастыря уже не было, поскольку он был упразднен Екатериной II еще в 1764 г. и вновь открыт только в 1860 г. Напомним, что пугачевцы осаждали Далматовский

монастырь в 1774 г. В настоящее время это Свято-Введенский женский монастырь в селе Верхняя Теча Катайского района.

В целом же повесть «Охонины брови» документальна и достоверна в своей основе, и ее саму можно рассматривать тоже как исторический источник. Далее мы рассмотрим, какие реальные исторические события и явления отражены в этом произведении.

В повести описываются местные топонимы, но населенные пункты и географические объекты были переименованы автором и превращены в «литературных двойников». Город Шадринск фигурирует в повести под названием Усторожье; Каменский завод переименован в Баламутский завод; Далматовский монастырь — в Прокопьевский монастырь; Введенский женский монастырь — в Дивью обитель; река Исеть, на которой стоит город Далматово, — в реку Яровую. И только городу Далматово автор оставил его настоящее название — Служняя слобода (так Далматово называлось до 1691 г.). Вынесен в название повести топоним «Охонины брови» — в настоящее время это место является памятником природы регионального значения. Урочище образовано двумя смыкающимися берегами («бровями») рек Синара и Исеть, однако Мамин «объясняет» в повести происхождение этого названия из фольклорного воспоминания о трагически погибшей на местных горах Охоне» [Боголюбов, с. 346].

С документальной точностью описано в повести основание Прокопьевского монастыря, которое во многом совпадает с созданием Далматовского: монастырь основан пустынножителем Саввой в XVII в., когда вокруг еще хозяйничала «орда», после чего к иноку начали сходить ищущие спасения старцы. Местные жители, в первую очередь главный герой повести дьячок Арефа, поклоняются святому Прокопию, в честь которого назван монастырь. Прототипом инока Саввы является Далмат, и было бы логичным, если бы герои молились именно ему. Однако на момент создания повести Далмат еще не был канонизирован, поэтому Мамину пришлось ввести в произведение собирательный образ канонизированного святого Прокопия. «Мамин-Сибиряк, давая другие названия и имена, не хотел, чтобы это стало отходом от реальной истории. Переименование и изменение имен оправдывается сохраненной автором

фактологией. Обращение к блаженному Прокопию Вятскому и создание собирательного образа объясняется тем, что для произведения с такой проблематикой (страдания и унижения людей и их желание найти заступничество у государственных властей и в обращении к святым) нужен был канонизированный святой, помогающий молящимся ему» [Коростелев].

В повести упоминаются набеги местных народов (башкир, татар) на русские поселения, усмирение местных народов, кровавые расправы над ними. Именно в один из таких набегов и была уведена в орду жена главного героя — дьячка Арефы. Набеги на далматовские земли прекратились к XIX в., когда освоение этих земель пошло дальше и город Далматово перестал быть рубежом между ордой и русским краем.

Одной из героинь второго плана является в повести сосланная в Дивью обитель важная особа — боярыня из Петербурга. Действительно, Далматовский монастырь в те годы использовался также как место для ссылки опальных людей и раскольников. Так, например, в монастырь в разное время были сосланы протопоп Московского Успенского собора Иоанн Максимов (с 1733 по 1735 гг.), княжна Прасковья Юсупова (с 1735 г. пожизненно), генерал-адъютант граф Петр Федорович Апраксин (с 1775 по 1778 гг.). В повести подразумевается как раз княжна Юсупова, сосланная в Далматовский монастырь по повелению императрицы Анны Иоанновны «за волшебство».

Не менее точно и подробно описана в повести осада Далматовского монастыря пугачевцами. Причем описываются не только сами военные действия, но также факт отправки в монастырь подметных писем с требованием сдаться. Эти письма в повести вынужден писать главный герой — дьячок Арефа. Далматово оказался одним из немногих городов, который выдержал осаду и отразил наступление. За заслуги в подавлении пугачевского бунта Екатерина II в 1781 г. пожаловала городу статус уездного города и право называться по имени основателя монастыря — Далматово.

И последнее, на что хотелось бы обратить внимание. В городе Далматово в свое время родились или какое-то время учились такие писатели и поэты XVIII–XIX вв., как А. Ф. Мерзляков, К. Д. Носилов. Однако ни один из них ни разу не упоминал в произведениях о своем родном городе Далматово.

Тем удивительнее, что именно Мамину (по рождению не коренному далматовцу) удалось передать в повести «Охонины брови» красоту далматовского края и наделить главного героя дядька Арефу необыкновенной любовью к своей малой родине. Как отмечает Л.Н. Житкова, «только его внутренний мир интересен автору, именно его образ развернут психологически» [Житкова, с. 24]. Образ Арефы не вписывается в окружающую его жестокую действительность, в кровавые расправы и человеческие страсти. Центральный персонаж повести, по наблюдению О.В. Зырянова, связан с «глубинным уровнем авторской аксиологии» [Зырянов, с. 11], верностью автора православно-христианской системе ценностей. Арефа — герой с цельным сознанием, живущий по совести и всегда приходящий на помощь, в том числе своим врагам. Даже его речь, как заметила М.А. Генкель, полна ласкательных обращений не только к своим близким, но и к посторонним людям, к которым он испытывает искреннюю жалость и желание помочь (см.: [Генкель, с. 153]). Именно такого светлого героя наделяет автор чувством горячей любви к далматовскому краю: «Все домой тянет: не могу без Служней слободы жить» [Мамин-Сибиряк, 1950, с. 9], — говорит Арефа; «...расстаться с Служнею слободой тяжко. Ох, как тяжко, до смертыньки!» [Там же, с. 19]; «А Яровая-то как разливается... Арефа глядел по сторонам и не мог налюбоваться. <...> Арефа пал на землю и долго молился на святую обитель, о которой день и ночь думал, сидя в своем затворе» [Там же, с. 23]; «Подъезжая к заводу, Арефа испытывал неприятное чувство: все кругом было чужое — и горы, и лес, и каменная заводская дорога. Родные поля и степной простор оставались далеко назад, и по ним все больше ныло сердце Арефы» [Там же, с. 44]; «Обрадовалось сердце Арефы, когда он увидел родную реку, которая отсюда скатывалась под самый Прокопьевский монастырь и дальше в “орду”» [Там же, с. 53].

Таким образом, именно в произведениях Д.Н. Мамина-Сибиряка Далматово впервые появляется на литературной карте России. Маленький зауральский город не просто упомянут в художественной литературе: он был досконально исследован и изучен автором в плане его истории, культурно-бытовых особенностей, а затем в исторической повести «Охонины брови» не только представлен как место главных событий, но благода-

ря своей немаловажной роли в противостоянии пугачевскому восстанию вписан в контекст большой российской истории.

Список литературы

Боголюбов Е. А. Комментарии. «Охонины брови» // Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч. : в 12 т. Свердловск : Свердл. обл. гос. изд-во, 1950. Т. 7. С. 328–353.

Бортникова А. В. Жанры малой прозы Д. Н. Мамина-Сибиряка 1880-х гг.: поэтика повествования : дис. ... канд. филол. наук / Урал. федерал. ун-т. Екатеринбург : [б. и.], 2016. 190 с.

Генкель М. А. Из наблюдений над словарным составом исторической повести Мамина-Сибиряка «Охонины брови» // Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк. Сто лет со дня рождения, 1852–1952 : (материалы науч. конф.) / [отв. ред. В. В. Кусков]. Свердловск : Свердл. кн. изд-во, 1953. С. 144–161.

Дашевский В. А. «Охонины брови» Д. Н. Мамина-Сибиряка. Жанрово-стилевое своеобразие повести. Литературные традиции // Творчество Д. Н. Мамина-Сибиряка в контексте русской литературы : материалы науч.-практ. конф. Екатеринбург : [б. и.], 2002. С. 37–44.

Дашевский В. А. Историческая повесть Д. Н. Мамина-Сибиряка «Охонины брови» // Филологический класс. 2003. № 9. С. 82–86.

Девятайкина Г. Л. Поэтика пространства и топонимический код в уральской прозе Д. Н. Мамина-Сибиряка : дис. ... канд. филол. наук / Урал. гос. ун-т. Екатеринбург : [б. и.], 2009. 217 с.

Дергачев И. А. Фольклор в художественной системе Д. Н. Мамина-Сибиряка // Фольклор Урала. Свердловск : [Урал. гос. ун-т], 1976. [Вып. 2] : Литература и фольклор. С. 22–33.

Житкова Л. Н. История и историзм в произведениях Д. Н. Мамина-Сибиряка // Филологический класс. 2012. № 4. С. 23–25.

Зырянов О. В. Творческое наследие Д. Н. Мамина-Сибиряка и перспективы литературной регионалистики // Филологический класс. 2012. № 4. С. 7–15.

Китайник М. Г. Д. Н. Мамин-Сибиряк и народное творчество. Свердловск : Свердл. кн. изд-во, 1955. 167 с.

Коростелев В. А. Старец Далмат и историческая повесть Д. Н. Мамина-Сибиряка «Охонины брови» // Шадринские чтения : материалы межрегион. филол. конф. Шадринск : ШГПИ, 2004. [Электронный ресурс]. URL: <http://uchebana5.ru/cont/2473340-p11.html> (дата обращения: 25.09.2018).

Кусков В. Традиции Н. В. Гоголя в исторической повести Д. Н. Мамина-Сибиряка «Охонины брови» // Доклады 1964 года /

Свердл. лит. музей им. Д. Н. Мамина-Сибиряка. Свердловск : Сред-Урал. кн. изд-во, 1965. С. 38–51.

Лаптева Е. Историческая повесть Д. Н. Мамина-Сибиряка «Охонины брови» и роман А.С. Пушкина «Капитанская дочка»: опыт сравнительно-сопоставительного анализа. Круглый стол на уроках литературы в школе // Русская словесность. 2016. № 5. С. 48–60.

Лаптева Е.Р. Интерпретация истории в романе А.С. Пушкина «Капитанская дочка» и в повести Д. Н. Мамина-Сибиряка «Охонины брови»: к проблеме прочтения // Детская книга и история Отечества : материалы IX Всерос. науч.-практ. конф. Нижний Тагил : [б. и.], 2017. С. 48–54.

Лосева Л.И. Хронотоп и его функция в повести Д.Н. Мамина-Сибиряка «Охонины брови» // Творчество Д. Н. Мамина-Сибиряка в контексте русской литературы : материалы науч.-практ. конф. Екатеринбург : [б. и.], 2002. С. 44–46.

Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. : в 12 т. Т. 7. Свердловск : Свердл. обл. гос. изд-во, 1950. 364 с.

Мамин-Сибиряк Д.Н. По Зауралью. Путевые заметки // Южный Урал : лит.-худож. альм. 1952. № 8/9. С. 17–88.

Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. : в 10 т. Т. 3. М. : Правда, 1958. 451 с.

Митрофанова Л.М. «Урал», «Зауралье», «Россия» и «Сибирь»: перекресток понятий в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка // Литература Урала: история и современность. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2008. Вып. 4: Локальные тексты и типы региональных нарративов. С. 130–136.

Филатова А. И. Повесть Д.Н. Мамина-Сибиряка «Охонины брови» и историческая проза 90-х годов // Русская литература 1870–1890 годов / [Урал. гос. ун-т] ; отв. ред. И.А. Дергачев. Свердловск : [УрГУ], 1974. Сб. 6. С. 103–114.

Широкова В. Потомки Широкова: (история села Широковского Далматовского района). Шадринск : [Шадринский дом печати], 2013. 254 с.